

Г. И. Смагина

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова: штрихи к портрету

Е. Р. Дашкова. О смысле слова "воспитание". Сочинения, письма, документы / Составление, вступительная статья, примечания Г. И. Смагиной. СПб., 2001.

Scan [ImWerden](#)

[OCR Бычков М. Н.](#)

В 1803 г. граф Ф. В. Ростопчин, встретившись с шестидесятилетней княгиней Екатериной Романовной Дашковой, написал в Лондон ее брату графу С. Р. Воронцову: "...я встречался в некоторых домах с вашею сестрою, и мы не могли довольно наговориться и поспорить между собою. Она чересчур пристрастно судит о делах и не хочет убедиться, что изменения и новизны приносятся самим временем. Ей все кажется, что она живет в 1762 году..."¹ Совершенно ясно, что речь идет о событиях 28 июня 1762 г., о дворцовом перевороте, приведшем к власти Екатерину II. Для девятнадцатилетней княгини этот день стал "звездным часом" в ее жизни. Он был таким насыщенно счастливым, вдохновенным, напряженным, что наложил на нее неизгладимый отпечаток, и воспоминания об этих событиях княгиня пронесла через всю свою жизнь. "День трепета и счастья",² как Е. Р. Дашкова напишет позже, стал также началом непонимания между княгиней и императрицей. Дело в том, что Е. Р. Дашкова преувеличивала свое участие в перевороте, а Екатерина отрицала какое бы то ни было значение княгини в его успехе. Непонимание со временем переросло в глубокий конфликт и во многом предопределило ее дальнейшую судьбу.

Е. Р. Дашкова прожила беспокойную жизнь, как она сама считала: "...бурную и тревожную, или вернее сказать горестную, жизнь, на протяжении которой мне пришлось таить от мира страдания сердца; остроту этой боли не может притупить гордость и побороть сила духа. Обо мне можно сказать, что я была мученицей -- и я не побоюсь этого слова, ибо скрывать свои чувства или представляться в ложном свете всегда претило моему характеру".³

Современники, много писавшие о ней, высказывают противоречивые мнения, столь не совпадающие, что иногда трудно представить, что речь идет об одном человеке. По количеству отзывов о россиянках XVIII--начала XIX в. Е. Р. Дашкова уступает только Екатерине II.

Одну из самых пронизательных и объективных характеристик княгини Дашковой оставил великий французский просветитель Дени Дидро. Они познакомились в Париже в 1770 г. во время первого путешествия Екатерины Романовны по европейским странам и часто встречались. "Характер ее серьезный, она говорит по-французски свободно; разговор ее сдержанный, речь простая, сильная и убедительная. Сердце ее глубоко поражено несчастьями; и в образе мыслей ее проявляется твердость, высота, смелость и гордость. Я убежден, что она любит справедливость и дорожит своим достоинством.

Княгиня любит искусства, знает людей и потребности своего отечества. Она искренне ненавидит деспотизм и все проявления тирании. Она хорошо знакома с настоящим управлением и откровенно говорит о добрых качествах и недостатках представителей его. Метко и справедливо раскрывает выгоды и пороки новых учреждений. ...С тем же тоном убеждения она говорила о добродетелях и пороках своих друзей и врагов".⁴

Дидро восхищался твердостью ее характера "как в ненависти, так и в дружбе", мужеством, с которым она переносила свою "темную и бедную жизнь", и естественностью ее поведения. Сильное впечатление на него произвели пронизательность, хладнокровие и здравый ум.

Е. Р. Дашкова доверительно и откровенно рассказывает Дидро о событиях, имевших место в июне 1762 г., и, конечно, о Екатерине II, "о которой, -- как отмечает философ, -- она всегда говорит с глубоким уважением".⁵ "Но почему она не любит Петербурга?" -- спрашивает у себя мудрый Дидро. И сам тонко и с пониманием отвечает: "Не знаю; может быть, она недовольна тем, что заслуги ее мало вознаграждены; или, возведя Екатерину на престол, она надеялась управлять ею; может быть, Екатерина опасается, что, если Дашкова один раз подняла бунт за нее, не струсит поднять его и против нее; или она добивалась места министра и даже первого министра, по крайней мере чести государственного совета; ...или она не хочет толкаться в стаде новых придворных выскочек..."⁶ И завершает Дидро свои наблюдения об отношениях Е. Р. Дашковой с Екатериной II следующим замечанием: "Кажется, один горький урок